

Василий Потто

Том 1

От древнейших времен до Ермолова

Том 2

Ермоловское время

Том 3

Персидская война 1826–1828 гг.

Том 4

Турецкая война 1828–1829 гг.

Том 5

Время Паскевича, или Бунт Чечни

Василий Потто

КАВКАЗСКАЯ
ВОЙНА

Том 4

ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА

1828–1829 гг.

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

ББК 63.3
П64

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Оформление художника
И.А. Озерова

Потто В.А.

П64 Кавказская война: В 5 томах. Т. 4: Турецкая война. 1828—
1829. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. — 511 с.

ISBN 978-5-521-73332-3 (Т. 4)

ISBN 978-5-9524-3151-5

Фундаментальный труд выдающегося военного историка, генерала русской армии В.А. Потто охватывает период Кавказской войны с начала XVI века по 1831 год.

Многие годы в разных местах автор собирал разрозненные документы и материалы с одной целью — извлечь из забвения драматические и героические события, которые, развиваясь и усиливаясь, определили совершенно особую роль Кавказской войны в нашей истории.

В 4-й том вошли описания событий Турецкой войны 1828—1829 годов.

ББК 63.3

ISBN 978-5-521-73332-3 (Т. 4)
ISBN 978-5-9524-3151-5

© Художественное оформление,
ЗАО «Центрполиграф», 2007

I ОТ ВОЙНЫ К ВОЙНЕ

Еще не замолкли громы персидской войны 1826—1828 годов, а политические обстоятельства в Европе сложились так, что сделали неизбежным для России столкновение с Турцией. В Петербурге не знали еще о славном мире, заключенном с Персией, а в Кавказский край уже летел курьер с секретными депешами о разрыве с Портой и неотложной необходимости Кавказскому корпусу готовиться к новым военным действиям.

Был март 1828 года. Счастливый победитель Персии граф Паскевич-Эриванский возвращался из Тавриза в Тифлис. Он ехал через Маранду в то время, как курьер, спешивший к нему навстречу, взял из Эривани направление через Карабаг, и они разминулись. Не застав главнокомандующего в Тавризе, курьер поспешил назад по следам его и нагнал Паскевича 20 марта, уже на первом ночлеге за Эриванью. Прочитав депеши, граф тотчас выехал в Тифлис, послав приказание, чтобы туда же шли все полки, возвращавшиеся из Персии.

Начиналась турецкая война.

При тогдашнем положении дел известия, привезенные курьером, мучительно тревожили Паскевича. Действующие войска не могли прийти из Персии раньше конца апреля, а до тех пор вся пятиотверстная русская граница, простиравшаяся тогда от гурийских берегов Черного моря до Тальни и оттуда, по окраине бывшего Эриванского ханства, до Арарата, лежала открытой перед неприятелем. Малочисленные гарнизоны, разбросанные на огромном пространстве, достаточны были разве только для нужд внутренней службы. Даже четыре пункта, открывавшие неприятелю удобнейшие входы в русские пределы: пост Чахотаурский на гра-

нице Гурии и Имеретии, Боржомское ущелье со стороны Картли, крепость Цалки в Сомхетии и Гумры в Шурагели — даже эти важные пункты едва охранялись. В Цалках, например, стояла рота, в Гумрах — две, и эти слабые заслоны, конечно, не могли бы остановить решительного наступления турецкой армии.

Вот подробная ведомость тех сил, которые в этот тревожный момент оставались для защиты края.

В пределах Грузии, для охраны Тифлиса, штаб-квартир и Алазанской линии, стояло шесть батальонов пехоты (это были третьи резервные батальоны от полков Херсонского, Грузинского, Эриванского, Тифлисского, Ширванского и сорок первого егерского). Из них по одной роте — в Манглисе, в Белом Ключе, в Гори, в Цалках и в Джалал-Оглы; девять рот в Тифлисе и два с половиной батальона на Алазани. Кроме того, две роты Крымского пехотного полка занимали Гумры.

В Армянской области, как пограничной с Турцией и Персией, число войск было несколько более, именно девять батальонов: в Эривани стояли тридцать девятый егерский полк, батальон сорокового полка и шесть рот Севастопольского; в Эчмиадзине — другой батальон сорокового полка; в Сардарь-Абаде — шесть рот Крымского полка и две Севастопольского; в Аббас-Абаде — батальон тифлисцев и, наконец, в Нахичевани — две роты от полка Нашебургского.

В самих русских пределах, при их соседстве с Турцией, не было уверенности в полной безопасности. Если массы населения уже научились ценить принесенные русской властью блага внутреннего спокойствия и привыкали к мирной деятельности цивилизуемой страны, то среди них все еще оставались элементы, жившие преданиями прошлого, способные внести в край смятение и беспорядки.

На самом правом фланге русских владений лежала Абхазия, представлявшая в этом смысле наибольшую опасность. Еще в самом начале персидской войны, когда Ермолов сосредоточивал все наличные средства и силы к Тифлису, уже являлась необходимость серьезно подумать об обороне побережья Черного моря. Покинуть Сухумскую бухту и Абхазию значило бы отказаться от последнего влияния на народы восточного Черноморского побережья — влияния, столь важного для жизни всего Закавказья. А между тем при том состоянии, в котором находилась Сухумская крепость, защищаться в ней было невозможно, и оставалось одно из двух: либо заблаговременно принять меры к ее укреплению, на что требовались деньги и войско, либо теперь же вывести из нее войско и взорвать ее стены.

В Петербурге не ожидали в то время близкого разрыва с Портой, и государь не изъявил согласия на разрушение Сухума, полагая, что «оное причтется к излишней осторожности». Он приказал для защиты крепости занять ее достаточным гарнизоном, а для прикрытия с моря расположить у берегов Абхазии небольшую часть крейсерской флотилии.

Опасения Ермолова тогда не сбылись: Абхазия во время персидской войны оставалась сравнительно спокойной. Но зато теперь, на случай появления турецкого десанта, Абхазия готовилась к восстанию. Открытая и с моря, и с суши воздействиям турок, страна не могла не относиться сочувственно к их пропаганде, и, действительно, на Сухумский гарнизон скоро начались непрерывные нападения, стеснившие его с течением времени так, что несколько шагов за крепость невозможно было сделать без конвоя.

К Абхазии примыкали Мингрелия, Имеретия и Гурия. Населенные христианами, они, казалось бы, не должны были внушать особых опасений. Действительно, на верность менгрельцев и имеретинцев можно было положиться вполне, и генерал-адъютант Сипягин, посланный позже Паскевичем для обзора этих провинций, писал, что нашел в них наилучшее расположение к России. Владетель Менгрельский вызвался даже выставить до четырех тысяч вооруженной милиции; имеретинцы, со своей стороны, собирали земское ополчение. Но положение дел в маленькой Гурии было совершенно иное. Властолюбие тогдашней правительницы ее княгини Софьи угрожало вовлечь страну на скользкий путь предательств и измены; она вела тайные переговоры с турками, даже отправила к ним в аманаты своих детей и получила за то от султана фирман и подарки.

А между тем приморское положение этой ничтожной по пространству страны доставляло ей весьма важное значение. И если бы турки появились только в Гурии — то спокойствие соседней Мингрелии и Имеретии неминуемо было бы нарушено. То же самое должно сказать и о Грузии, составлявшей центр и основание нашего могущества за Кавказом. Эта многострадальная страна искони веков была театром хищнических набегов со стороны соседей. И если в мирное время буйные лезгины, карапахи и курды, несмотря на присутствие в ней русского войска, ежегодно уводили отсюда многочисленные стада и нередко захватывали в плен самих жителей, то теперь, с объявлением турецкой войны, над ней нависла угроза новых и новых вторжений. Гроза надвигалась на нее со стороны Ахалцихе и Карса и со стороны тех полукочевых племен, которые всегда служили как бы передовыми аванпостами для турок. Сама политическая жизнь

страны требовала особенного наблюдения. Еще живы были старики, помнившие своих царей, время относительной своей независимости, и имя царевича Александра, под их влиянием, могло волновать умы пылкой грузинской молодежи.

Далее, за Грузией, лежала Армянская область, соприкасавшаяся с персидской границей. Правда, ослабленная проигранной войной, лишившаяся почти всей своей регулярной армии, Персия сама по себе не представляла серьезной опасности, но тем не менее вполне положиться на спокойствие границы, при известном непостоянстве и легкомыслии персидского правительства, было невозможно.

Затем, среди остальной магометанской части Закавказского края немудрено было ожидать общих волнений. Еще мусульманские провинции, державшиеся Алиевой секты, могли оставаться спокойными; в областях, населенных сунитами, уже замечалось брожение. Особенно колебание умов давало себя чувствовать среди кавказских горцев. Весь Северный Дагестан волновался под влиянием какого-то неведомого религиозно-политического учения; Чечня разбойничала; Кубани вновь грозили замолкшие беды в последние годы набеги.

Повсюду требовалось войско и войско.

Турция находилась в положении несравненно выгоднейшем. По всей границе ее с Россией, на всех удобных входах в нее расположились сильные крепости, ждавшие только момента, чтобы внести смерть и ужас в ряды дерзких пришельцев, покусившихся нарушить их грозное молчание. Поти, Батум, Кобулеты, Ацхур, Хертвис, Ахалцихе, Ахалкалаки, Карс, Магазберт, Кагызман и Баязет, возвышая к небу вершины своих башен, составляли оплот мусульманского могущества в древней исторической стране, бывшей постоянным театром бедствий и кровопролитий.

Задолго перед тем делались и другие приготовления к войне.

Нужно сказать, что Азиатская Турция в административном делении своем представляла в то время несколько отдельных областей, управляемых пашами. По границам России, начиная от Черного моря до Персии, лежали пашалыки: Трапезундский, Ахалцихский, Карсский и Баязетский, а за ними — Арзерумский, Ванский и Мушский. Последние шесть пашалыков составляли так называемую турецкую Армению, а Трапезундский, Диарбекирский, Сивасский, Такатский и Моссульский образовывали Анатолию. Все эти одиннадцать областей подчинялись одному общему правителю в лице сераскира Арзерумского, которому вверялось бесконтрольное владычество над Арменией и Анатолией. Достоинство это почиталось в Турецкой империи одним из важнейших, и сераскир

Арзерумский облакался полной деспотической властью: он ведал всеми войсками и администрацией края, учреждал налоги и подати, сменял и назначал начальников, выносил смертные приговоры.

Но эта, по-видимому, строго проведенная централизующая власть далеко не достигала своих целей. Дело в том, что каждый пашалык делился на санджаки, а санджаками управляли беки, упорно стремившиеся удержать некогда принадлежавшую им самостоятельность. Беки поставлены были в зависимость от пашей, которым предоставлялось право назначать и сменять их по личному усмотрению, но право это в огромном большинстве случаев оставалось чисто номинальным. Обыкновенно бек, глава воинственного поколения, вовсе не повиновался паше. Происходя от древнего знатного рода, искони наследственно пользовавшегося в санджаке деспотической властью, он со стороны соплеменного ему населения признавался единственным законным владыкой, пользовался его безграничным и безусловным повиновением и в конце концов был сильнее паши, которому беки оставляли, таким образом, только его почетный титул. Эти порядки, напомиравшие феодальные отношения, выросшие на исторической почве, охранялись со стороны беков всеми силами, и нередко правительственные войска, посылаемые для усмирения непокорных, были бессильны сломить сопротивление. Особенной известностью в этом смысле пользовались в Карском пашалыке санджаки Магазбертский и Гечеванский, владельцы которых жили в укрепленных замках, вернее, в сильных крепостях, построенных на неприступных скалах. Турецкие паши уже и не пытались подчинять своей власти подобных беков, доставлявших постоянные беспокойства Турции своими наездами то на соседей, то на русские границы, которые они переходили открыто для грабежа и разбоя. Случалось не раз, что на жалобы русских властей, требовавших прекращения подобных беспорядков, паша с чисто восточной логикой, не знающей ничего выше грубой силы, отвечал, что виновный в беспорядках бек слишком силен, чтобы можно было с ним справиться.

Нужно было принять меры, чтобы на случай войны восстановить в стране порядок и единство действий. И вот константинопольский двор, сосредоточивая всевозможные средства в Азиатской Турции для предстоящей борьбы, понял необходимость назначить высшим правителем ее наиболее доверенного, опытного и искусного сановника. В Арзерум отправлен был трехбунчужный паша Галиб, которому не только отданы были под непосредственное начальство одиннадцать пашалыков, обыкновенно составлявших Арзерумский сераскириат, но и верховное право заимствовать из всех азиатских владений Порты то число войск

и те средства, какие по местным обстоятельствам он сам признает необходимыми для успешного хода войны.

Новый сераскир пользовался большим доверием в Константинополе и имел на то неотъемлемое право. Галиб долго жил в Париже посланником блистательной Порты при императоре Наполеоне I, участвовал как рейс-эфенди при заключении с Россией Бухарестского мира и был, наконец, некоторое время великим визирем. Принадлежа к сословию янычар, Галиб-паша, как рассказывают, первый подал мысль о необходимости их преобразования. Он даже послан был в Арзерум с поручением исполнить фирман султана и успел покончить с янычарами без кровопролития, принудив их одним убеждением покориться воле падишаха и вступить в состав новых войск. Словом, дипломатические и государственные способности Галиб-паши не подлежали сомнению. К сожалению, это был человек, не обнаруживший военных дарований и не имевший даже военной опытности. Султан, отдавая в его распоряжение весь ход военных действий в Азиатской Турции, рассчитывал главным образом на его глубокий ум, столь важный в эти минуты для управления обширным краем, а в помощь ему, в качестве вождя действующих войск, назначен был человек, закаленный в боях, — Киос Магомет-паша, некогда сражавшийся в Египте против Наполеона и потом участвовавший в четырех европейских кампаниях против русских, сербов и греков. От сочетания этих двух выдающихся умов ожидалось наилучшие результаты.

Действительно, энергичный Галиб-паша деятельно принялся за приготовления к войне и в короткое время сделал чрезвычайно много. Пограничные турецкие твердыни, начинавшие дряхлеть столько же от лет, сколько от обычной беспечности азиатских правителей, теперь получили иной вид. Повсюду кипели крепостные работы, строились укрепленные лагеря, свозились орудия, порох, запасы. Гарнизоны всюду были усилены. К марту 1828 года, когда русская армия только что начала свое обратное движение из покоренного Тавриза, все пути в турецкие владения из Закавказья были уже заняты наблюдательными партиями турецкой конницы, а в окрестностях Гумров по Арпачаю, где сходятся важнейшие пути из России и Персии, расположился особый кавалерийский отряд в тысячу всадников, под начальством магазбертского владельца Шериф-аги, отважного начальника карапахов. Пограничные жители, не исключая мусульман, удалены были на сто верст от границ; у армян, из опасения измены, отобрано было оружие. В то же время главные турецкие силы формировались в Арзеруме. Там собирался сорокатысячный корпус и находился сам Киос Магомет-